

прославленного мага и чародея Эмиля Теодоровича Кио хорошо знают советские зрители. Мне посчастливилось пять лет быть участником аттракциона знаменитого Кио. Зимой 1949 года я выступал в Одесском цирке. Зима была теплой, безветренная. Вечерами после выступления я любил гулять по набережной, по всегда оживленной Дерibasовской улице.

Вот и на сей раз я вышел из гостиницы и, как говорится, носом к носу столкнулся с цирковым режиссером Арнольдом Григорьевичем Арнольдом и известным иллюзионистом Эмилем Теодоровичем Кио. Мы были знакомы давно и, обменявшись рукопожатиями, не спеша пошли по направлению к одесской опере.

В одной из витрин магазина мое внимание привлек большой красочный плакат. На нем была изображена трибуна, на которой стоит дядя Сэм и изрыгает в одну сторону поток воды, а в другую — фонтан огня. У его ног — разныи мастей вояки и бизнесмены. И подпись: «Кухня поджигателей войны».

— Так это же мой номер! — подумал я. И тут же, на улице, поделился своими соображениями с Арнольдом и Кио. Им моя идея понравилась. Было решено готовить этот номер для новой иллюзионной программы, над созданием которой они как раз и работали в Одесском цирке.

Мое выступление выглядело так. Манеж залит ярким светом. Выходит Кио и громко объявляет:

— Сейчас я продемонстрирую вам речь одного из крупнейших западных специалистов по вопросам мира.

На арену выносятся трибуна. Следом выхожу я — в черном фраке, цилиндре и белых перчатках. Не спеша, с важным видом, поднимаюсь на трибуну, снимаю цилиндр и небрежно бросаю в него перчатки. Мило улыбаясь, раскланиваюсь во все стороны и начинаю льстивую мимическую речь, плавно жестикулируя руками.

Клоун обращается к иллюзионисту: — Товарищ Кио, я что-то не пойму, о чем он говорит? Уж не оглох ли я?

— Сейчас поймете, — отвечает Кио.

Быстрыми шагами он подходит к трибуне и тоненькой палочкой слегка ударяет меня по губам. В ту же секунду у меня изо рта вырывается поток воды.

— Это же сплошная вода! — восклицает клоун.

— Да, вода, — соглашается Кио, — но это не так безобидно, как кажется на первый взгляд. Сейчас вы увидите изнанку этой речи.

Я мгновенно нагибаюсь и назаметно пью из бутылки керосин. Потом беру спрятанный в трибуне зажженный факел, подношу его ко рту, и на манеж вырывается тугая струя огня.

— Совсем ничего не понимаю, — разводит руками клоун. — Сначала была вода, а теперь огонь...

Смеясь, Кио объясняет:

— Вот такие международные деятели и есть чистейшей воды поджигатели войны!

Успех номера, который вышел в разгар «холодной войны», превзошел все наши ожидания.

Меня зачислили в аттракцион прославленного иллюзиониста. Работать у Кио мечтали многие артисты, и многие прошли его замечательную школу. Элегантный, талантливый, умный, красивый. Эмиль Теодорович был к тому же еще бесконечно добрый человек. У него в гардеробной вечно толпились артисты, и каждому он готов был сделать что-то хорошее, помочь в том или ином деле.

В цирке до сих пор вспоминают, каким он был требовательным к себе и к своим ассистентам. В аттракционе всегда царил строжайшая дисциплина. За пять лет работы у Кио я не помню случая, чтобы из-за неисправности аппаратуры или по болезни ассистента не исполнялся тот или иной трюк. Реквизит всегда был в образцовом порядке, а если требовалось, то один ассистент заменял другого.

Однажды в разгар работы с номером «Поджигатели войны» случилось несчастье — я упал и сломал ногу. Меня отвезли в больницу, наложили гипс. Помню, лежу в палате и терзаюсь — не столько от боли, сколько от мы-

сли, что подвел Кио. Меня в аттракционе заменить не могли.

И вдруг ко мне пожаловали гости — Эмиль Теодорович Кио и Арнольд Григорьевич Арнольд. В палате тут же воцарилось веселье. Запаса юмора у Арнольда хватало с избытком, да и Кио никогда не был сумрачным человеком. Когда врачи и сестры узнали, что ко мне пришел сам Кио, они в полном составе явились в палату. За ними стали подходить и ходячие больные.

Я как-то сразу заподозрил, что Арнольд и Кио пришли в больницу не только за тем, чтобы проведать меня. Так оно и оказалось.

Разговор начал Кио.

— Ты знаешь, Яша, — сказал он, — в моем аттракционе не было случая, чтобы не исполнялся какой-либо трюк. Но сейчас случай особый: заменить тебя некому. А номер «Поджигателей войны» в программе должен быть.

— Да, но чем же я могу помочь?

Тут вмешался Арнольд Григорьевич:

— Мне говорили, что ты умеешь стоять на одной руке?

— Умею, — подтвердил я.

— Так вот... Раз ты можешь стоять на одной руке, то постоять несколько минут на одной ноге тебе ничего не стоит.

Тут я понял, к чему он клонит, и спросил, а как он, собственно, представляет мое выступление?

— Нет ничего проще, — заявил Арнольд. — Из больницы тебя на машине привозят в цирк, а после выступления отвозят обратно. Эмиль сейчас пойдет и договорится с главврачом.

— Как же я дойду до трибуны?

— И не надо доходить. Тебя вынесут и поставят на три-

Он быстро выходил из себя, но так же быстро успокаивался и продолжал репетицию, как будто ничего не произошло.

Однажды я спросил Кио, почему он позволяет Арнольду при всех говорить такие вещи?

Эмиль Теодорович засмеялся:

Во-первых, потому, что такой уж у него темперамент. А, во-вторых, я знаю — ему нравится вспоминать о своем знакомстве с выдающимися людьми. Зачем же лишать его такой радости...

Когда я думаю о Кио, всегда вспоминаю один случай. Казалось бы, совсем незначительный эпизод, но как много он говорит о доброте этого человека.

В одном из городов, где мы выступали, иллюзионист готовил новый аттракцион. И бывало, что местные заводы по тем или иным причинам задерживали изготовление реквизита. В таких случаях Кио сам выезжал на предприятия, чтобы ускорить выполнение заказов. Когда такой знаменитый заказчик появлялся на заводе, его тот час же окружало множество людей. Вопросам не было конца. А иногда обстоятельства складывались таким образом, что приходилось тут же показывать фокусы. Для таких непредвиденных концертов он обычно брал меня с собой, а в машине у него всегда лежала аппаратура для нескольких иллюзионных трюков.

В тот день мы тоже ехали на завод и, повернув в узенький переулочек, увидели мальчика лет семи-восьми, который горько плакал. Кио не мог пройти равнодушно мимо чужого горя. Остановив машину, он подошел к малышу:

— В чем дело, герой? Кто тебя обидел?

Мальчик сквозь слезы рассказал, что мама дала ему пять рублей, чтобы купить продукты, но незнакомые

ВМЕСТЕ С КИО И АРНОЛЬДОМ

буну два ассистента во фраках и цилиндрах. Ты исполнишь номер, и они же уносят тебя за кулисы. А перед началом номера Кио скажет, что накануне оратор сломал ногу, но от выступления не отказался...

Главврача Кио легко уговорил, и номер «Поджигатели войны» не был снят с программы. Моя гипсовая нога нисколько не смущала зрителей — они думали, что именно так все и должно быть.

Прошло какое-то время, и я выписался из больницы. При желании я мог не только ходить, но и бегать. Но Арнольду так нравилась его находка, что перед каждым представлением я по-прежнему бинтовал ногу, и ассистенты выносили меня на манеж.

В конце концов мне это надоело, и я пошел к Кио:

— Эмиль Теодорович, ну сколько можно возиться с проклятыми бинтами и мучить ассистентов? Разрешите мне снова стать здоровым.

Кио долго смеялся, потом сказал:

— Тебе, Яша, придется подождать, пока не уедет Арнольд Григорьевич. Ему очень нравится его выдумка, и я не хочу огорчать его. Так что потерпи, дорогой...

У Эмиля Теодоровича было немало друзей, но ни с кем он, пожалуй, не был так близок, как с Арнольдом Григорьевичем Арнольдом. Их имена часто упоминают вместе: на протяжении многих лет Арнольд был постановщиком всех программ знаменитого иллюзиониста.

Арнольд был на редкость разносторонним художником. Он с одинаковым успехом работал в кино, на эстраде, в театре миниатюр, в цирке. Людям моего поколения памятен замечательный утесовский спектакль «Музыкальный магазин» — его ставил Арнольд. Его вдохновению, фантазии обязан своим рождением «Цирк на льду». Можно бесконечно перечислять номера, пантомимы, аттракционы, к созданию которых этот выдающийся режиссер имел самое прямое и непосредственное отношение.

Как и все талантливые люди, Арнольд был сложным, а подчас и противоречивым человеком. Веселый и добрый, он мог быть ироничным и даже злым; его убийственно острые реплики и парадоксальные суждения передавались из уст в уста.

Мне никогда не забыть словесных баталий, которые разгорались порой между Арнольдом и Кио. Человек взрывного темперамента, Арнольд не терпел, чтобы во время репетиции кто-то ему возражал, не соглашался с его замечаниями. Кио, естественно, знал такую особенность друга, но это не мешало ему высказать свое, подчас противоположное, мнение.

Когда такое случалось, Арнольд хватал за руку первого попавшегося артиста и, обращаясь якобы к нему, начинал:

— Нет, вы только посмотрите на этот талант! Он думает, что он вундеркинд, что понимает больше меня. Черт меня дернул связаться с Кия (так он всегда называл Кио). Мне только не хватало иллюзионистов. Я, который дружил с Маяковским, пользовался расположением Станиславского и Немировича-Данченко, должен выслушивать бредни фокусника!

Потом делал маленькую паузу и добавлял:

— Пусть даже такого великолепного фокусника, как Кия.

мальчишки выхватили у него деньги и убежали.

— Что я скажу маме? — рыдал малыш.

Для такой щедрой природы, как Кио, пять рублей — пустяк, и он уже, было, полез в карман, чтобы достать деньги. И вдруг я увидел на его лице озорную улыбку...

— Не, плачь, дорогой, сейчас я сделаю фокус-мокус, и твои деньги снова возвратятся к тебе. Яша, — обратился он ко мне, — принеси мне, пожалуйста, фокус «Монетный дождь».

Я мигом принес ему серебряное ведро, в котором обычно замораживают шампанское.

— Так сколько, ты говоришь, отняли у тебя эти нехорошие мальчишки?

— Пять рублей. Честное слово, дяденька, пять рублей.

— Верю, верю... А ну-ка, покажи, что у тебя в карманах?

Мальчик начал вынимать из карманов свое богатство. Там оказались хоккейная шайба, шарик для игры в пинг-понг, корбочка с крючками для рыбной ловли и моток лески.

— Все? — спросил Эмиль Теодорович.

— Все, — ответил мальчик, показывая вывернутые карманы.

— Тогда давай потряси свой пустой карман, — сказал Кио, подставляя ведро.

Мальчик неуверенно начал трясти, и вдруг раздался звон падающей в ведро монеты.

— Ну, вот, а ты говорил, что у тебя ничего нет! — И Кио показал растерянному малышу полтинник. — Давай трясина второй карман...

Тут же снова раздался звон. Затем фокусник начал доставать монеты из самых невероятных мест — из уха, волос, рукава и даже из носа. Мальчик, который недавно горько плакал, сейчас не только смеялся, а визжал от удовольствия.

— Ну, а теперь кашляни, — сказал Кио.

И когда малыш кашлянул, в ведро, казалось, упала целая куча монет.

— Все! — воскликнул, наконец, Кио, передавая мне ведро. — Будь любезен, подсчитай, сколько мы у него набрали?

Я-сделал вид, что подсчитываю, и после небольшой паузы сказал:

— Эмиль Теодорович, здесь десять полтинников.

— Вот и хорошо, — сказал он и, обратившись к мальчику, спросил: — Сколько это будет рублей, если сложить десять полтинников?

Тот начал в уме складывать, прибегая к помощи пальцев одной руки, затем в ход пошла вторая рука. Наконец, он подсчитал и, как на уроке, ответил:

— Всего будет пять рублей.

— Прекрасно, — сказал Кио, — если ты не возражаешь, мы эти полтинники возьмем себе в память о нашем знакомстве, а ты получи свои пять рублей. Пойди и купи все, что тебе велела мама...

Мальчик робко взял протянутую ему бумажку и с восторгом смотрел на Кио, не зная, что сказать. Эмиль Теодорович погладил мальчика по голове и, сказав: «Будь здоров, дружище», направился к машине. Наконец мальчик опомнился и крикнул: «Спасибо, дяденька!» Машина тронулась. Мальчик побежал за ней и громко кричал: «Большое спасибо, добрый волшебник!» Я украдкой смотрел на Кио, он всю дорогу улыбался.

Фокус удался на славу.

Я. ШЕХТМАН.

ЭМИЛЬ ТЕОДОРОВИЧ КИО.

